УДК 35.075.1 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-5-66-86

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РФ КАК ИМПЕРАТИВ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

***Меркулов П.А.*[1]**

Аннотация. *Цель* статьи – анализ политических и государственно-управленческих аспектов институционально-конституционального развития молодежной политики в современной России.

Предметом исследования является эволюционирующая государственная молодежная политика (ГМП) в направлении большей эффективности социального развития.

В научной статье обосновывается значимость «молодежной» поправки к Конституции РФ, являющейся элементом «социальных» поправок, для устойчивого социального развития страны. Данная поправка вместе с принятием проекта закона «О молодежной политике в Российской Федерации» обеспечивает последовательность институциональных изменений, укрепляет политико-правовые основы государственной молодежной политики. В качестве основных документов эмпирической базы – Конституция РФ (с соответствующими поправками 2020 года и проект закона № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» (прошедший процедуру рассмотрения в первом чтении в Государственной думе РФ).

Автор рассматривает пути оптимизации, расширения и углубления системной работы государственных и негосударственных акторов среди новых генераций. В результате делается вывод, что исследуемые изменения позволят снять ряд определенных институциональных и политико-управленческих проблем в части нормативно-правового обеспечения эффективной деятельности государства по созданию условий социального развития.

Ключевые слова: государственная молодежная политика (ГМП); поправки к основному закону РФ; новые генерации; процессы в молодежной среде; институциональные изменения; социальное развитие.

Меркулов Павел Александрович — доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д.5а, e-mail: director@orel.ranepa.ru

INSTITUTIONAL CHANGES IN STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN IMPERATIVE OF SOCIAL DEVELOPMENT

MERKULOV P.A. – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: director@orel.ranepa.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the political and state-administrative aspects of the institutional-constitutional development of youth policy in modern Russia.

The subject of the research is the evolving state youth policy (SYP) towards greater efficiency of social development.

The scientific article substantiates the significance of the "youth" amendment to the Constitution of the Russian Federation, which is an element of "social" amendments, for the sustainable social development of the country. This amendment, together with the adoption of the draft law “On Youth Policy in the Russian Federation”, ensures the consistency of institutional changes, strengthens the political and legal foundations of the state youth policy. The main documents of the empirical base are the Constitution of the Russian Federation (with the corresponding amendments in 2020 and the draft law No. 993419-7 "On youth policy in the Russian Federation" (passed the procedure for consideration in the first reading in the State Duma of the Russian Federation).

The author considers ways to optimize, expand and deepen the systematic work of state and non-state actors among new generations. As a result, it is concluded that the changes under study will make it possible to remove a number of certain institutional and political and administrative problems in terms of regulatory and legal support for the effective activity of the state to create conditions for social development.

Keywords: state youth policy (SYP); amendments to the Basic Law of the Russian Federation; new generations; processes in the youth environment; institutional changes, social development.

Введение

Вопрос об эффективной государственной молодежной политике в постсоветской России всегда стоял на повестке дня органов власти и управления. Актуальность этого вопроса в значительной мере связана с проблемой перехода страны, ее институтов. к внедрению инноваций в социальной, экономической, политической, культурной и иных сферах общественной жизнедеятельности, что невозможно без активного участия молодежи, обладающей знаниями, компетенциями и соответствующей жизненной энергией. Именно эти качества молодого поколения способны привести общество в целом к модернизационному

прорыву, прогрессу и развитию в условиях жесточайшей конкуренции государства на международной арене. Следовательно, молодежь должна восприниматься различными социально-политическими институциями, в особенности государством, не иначе как важнейший ресурс развития страны.

В связи с этим институционализируется императив в деятельности государственно-управленческих структур, должностных лиц РФ на эффективную и продуктивную государственную молодежную политику (ГМП), нацеленную на институциональные изменения, обеспечивающих социальное развитие не только новых генераций (т. е. поколений молодежи), но и всего российского общества. Данный концептуальный императив следует понимать как одну из базовых парадигм современной государственной политики РФ в отношении модернизационных сдвигов в отраслях и средах.

Государственная молодежная политика (ГМП): необходимость институциональных изменений в молодежной среде

Как мы полагаем, методологический фундамент исследования политики государства по отношению к молодежи может быть сформирован благодаря обращению к трудам О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма [1], обосновывавших наличие взаимосвязи между политическим развитием и процессом смены поколений, как фактором политических изменений. Поскольку в современных исследованиях, к примеру у Б. Джессопа, государство и его управление понимается как «партнёрство» государственных и негосударственных акторов, то государство представляет собой некую систему, включающую в себя относительно унитарный ансамбль укорененных в обществе, социально регулируемых и стратегически селективных институтов и организаций.

При этом, по оценке того же Б. Джессопа, основной функцией данного государства является внесение и приведение в жизнь решений обязательных для всех социальных групп слоев населения, включая молодежь, «во имя всеобщего интереса или общей воли воображаемого политического сообщества, отождествляемого с этой территорией»[2]. Не стоит также снимать с повестки дня в каждом национальном государстве и ее политику по отношению к новым генерациям в разрезе их политической социализации.

По мнению Н. Смелзера, социализация предполагает усвоение социальных ролей посредством коммуникаций, обеспечивающих сохранение общества.

[1] Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 80 с.; Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 1: Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. М.; Челябинск: Социум, 2014. – 464 с.; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. – 352 с.

[2] Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827–1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрдмана и Фердинанда Вальтера. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 187.

Социализация как процесс базируется на трех основах: ожидания, изменение поведения и стремление к конформизму. Данный западный исследователь в числе важных институтов социализации называет школу как государственное учреждение, полагая также, что социализация может быть успешной и неуспешной. При этом под политической социализацией Н. Смелзер понимает процесс усвоения молодежью «идей, жизненных позиций и образцов поведения, характерных для окружающей их политической среды»[1].

Еще один ракурс проблемы: анализируя сущность молодежной среды и политики государства по отношению к новым поколениям, важно понимать, что данная политика реализуется государством через уровни и ветви власти, органы государственного управления, местного самоуправления. В современной России имеются три основных управленческих уровня, на которых реализуется ГМП, начиная с федерального, далее – через региональный уровень и заканчивая местным. В целом же вне зависимости от государства центральная власть, по оценке Э. Шилза, фактически формирует общество, устанавливая социальный контроль над любыми конкретными акциями (действиями) индивидом и групп. Остаточное же действие, по Э. Шилзу, слагается «из убеждения в правомочности власти действовать так, как она действует»[2]. Такая линия поведения входит в культуру, то есть в убеждения и символы членов общества.

Таким образом, власть, как исполнительная, так и законодательная, имеет целью формирование, как полагают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, гражданской идентичности молодого поколения, которая включает в себя совокупность социальных ролей и норм поведения. Такая деятельность органов власти и управления направлена на нациестроительство как на основной приоритет политического развития. Это, в свою очередь, стимулирует «прогресс общества и устойчивость политической системы»[3].

Следует учесть, что отсутствие результатов в деятельности органов власти и управления в формировании гражданской идентичности молодежи ведет к конфликтности социального поведения молодежи. При этом, согласно оценке С. Льюкса, власть, если она считает себя эффективной властью в вопросах нациестроительства, должна иметь не просто результаты, а значимые результаты. Более того, С. Льюкс уверен, что если рассматривать власть как господство, то власть будет присутствовать только там и тогда, когда она служит интересам власть имущих или не наносит им ущерба[4]. Пожалуй, в этом кроется одна из причин низкой эффективности государственной молодежной политики большинства бывших республик СССР в 1992–2020 годы.

---

[1] Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. – С. 545.

[2] Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход. М.: Прогресс, 1972. – С. 346.

[3] Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. – С. 67.

[4] Льюкс С. Власть: радикальный взгляд. М.: Изд. дом Гос. ун-та–ВШЭ, 2010. – С. 126.

Не менее значимым направлением деятельности для органов власти и управления при решении проблем молодежи являются институциональные изменения как следствие либо строительства новых институтов, либо модернизации старых институтов.

Между тем для реализации эффективной молодежной политики требуются полноценные государственно-управленческие механизмы, которые бы делали действенными упомянутые институты. Основу таких механизмов должен составлять полноценный законодательный фундамент, представляющий собой разветвленную систему нормативно-правовых документов. Именно поэтому в данной статье мы сделаем акцент на формировании политико-правовых аспектов регулирования механизмов осуществления политики в отношении молодежи, сосредоточив внимание на Конституции РФ (точнее, на поправке, внесенной по итогам всенародного голосования в первую часть 72-й статьи (пункт «е»)) и законопроекте «О молодежной политике в Российской Федерации».

Итак, в настоящее время вопросы формирования и совершенствования конституционно-правовых основ жизнедеятельности общества (в том числе, молодой его части) должны быть отнесены к разряду неотъемлемых элементов устойчивого развития.

В этой связи отдельное самостоятельное значение приобретает проблема нормативно-правового сопровождения целей ГМП, что, в свою очередь, влечет необходимость четкого правового толкования самого понятия «молодежь», требующего серьезных содержательных уточнений. Кроме того, требуется решить законотворческую задачу в части конкретизации места и роли, а также ответственности, прав и обязанностей новых генераций в жизни современного российского общества. Собственно, именно необходимостью решения всех перечисленных вопросов руководствовались инициаторы внесения соответствующей поправки в Конституцию РФ и разработки проекта закона «О молодежной политике в Российской Федерации».

Тем более что эффективная государственная молодежная политика является перспективной альтернативой прочим механизмам и направлениям госполитики при решении различных проблем молодежи в условиях социальных рисков, неразвитости гражданского общества и социального государства. Формирование же законодательной базы, нормативно закрепляющей государственно-управленческий статус ГМП, в какой-то мере может защитить последнюю от негативных процессов в части изменений политического курса и прочих деструктивных факторов, на нее влияющих.

На наш взгляд, процесс формирования подобной законодательной базы правильно было бы считать правовой составляющей институционализации государственной молодежной политики. Сразу же оговоримся и отметим, что в России названный процесс стал довольно протяженным явлением в своей

исторической ретроспективе, уходя корнями в относительно далекое прошлое российской государственности.

Особенности трансформации государственной молодежной политики в постсоветской России: федеральный и региональный уровень

Сама ГМП обрела более или менее четкие институциональные черты лишь на рубеже XIX – XX веков. Дальнейшее же формирование системы нормативного регулирования молодежной политики активно продолжилось уже в середине XX века, поскольку органы власти и управления СССР понимали, что именно молодежи предстоит воплощать партийные доктрины КПСС в жизнь.

Напомним, что политика в отношении новых генераций была тогда в России не столько государственной, сколько партийно-общественной. Впрочем, этот вопрос лежит в плоскости научного осмысления проблемы слияния структур и функций государства и монопольно правящей политической партии. Так, например, в одном из партийных постановлений рекомендовалось государственным и общественным структурам, в которых наличествовали ячейки ВЛКСМ, серьезно отнестись к рекомендациям и инициативам комсомольских ячеек, оказывая им регулярную помощь на практике[1].

В 1990-е годы началась более детальная проработка отдельных норм, так или иначе касавшихся политики государства в отношении новых генераций, а также была предпринята попытка их законодательного закрепления. Эти нормы в основном затрагивали общие характеристики молодежи (как части общества); регулировали отдельные полномочия и определяли границы ответственности соответствующих органов управления; фиксировали права и обязанности большей части акторов, вовлеченных в рассматриваемую сферу. Естественно, все нормативные позиции получали свое отражение в текстах законов и подзаконных актов федерального и регионального уровней.

Действительно, российское законодательство было представлено спектром нормативно-правовых документов, содержание которых отражало задачи политики государства в отношении новых генераций[2].

Для того чтобы аккумулировать имеющиеся представления о том, как в рамках институционального развития совершенствовались административно-правовые механизмы молодежной политики в переломный для СССР 1991 год, следует упомянуть Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». В нем отмечалось, что ГМП должна служить основанием для становления подрастающего поколения, помогать ему в самореализации, а также просвещать об интересах всего общества. Кстати, политические условия принятия этого

[1] Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М: Молодая гвардия, 1987. – С. 56.

[2] Например, см.: Кочетков А. В. Конституционно-правовые источники в сфере государственной молодежной политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 13–17.

закона качественно отражены в работе И. М. Ильинского[1]. Вышеупомянутый всесоюзный закон в дальнейшем стал основанием для подготовки и возможного принятия законов о молодежи в регионах Российской Федерации.

Впрочем, первым нормативным документом о молодежной политике в современной России был Указ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»[2], обнародованный осенью 1992 года президентом Б. Ельциным. Указ констатировал важность комплексной молодежной политики как одного из наиболее значимых путей трансформации государства. В дальнейшем определяющую роль в формировании правовой составляющей институционального развития ГМП стали играть Закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» (1995 год), а также «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014 год).

Впрочем, нужно отметить, что задача формирования нормативной базы для успешного развития новых социальных генераций решалась в основном путем написания тех или иных нормативных документов, касавшихся отдельных направлений ГМП[3]. Как правило, все эти документы не несли в себе долгосрочной стратегической целевой заданности, так как принимались (в формате реагирования) вслед за конкретной сложившейся управленческой ситуацией. Между тем законы эффективного управления предполагают решение проблем в стратегическом ключе, что, несомненно, актуализирует необходимость принятия соответствующего документа общенационального масштаба. Такого документа (закона) до 2020 года не было (впрочем, эта ситуация сохранилась и на момент подготовки данной статьи, хотя проект закона № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» уже прошел процедуру рассмотрения в первом чтении в Государственной думе РФ).

Попытки принятия базового закона о ГМП предпринимались неоднократно. Однако предлагаемые законопроекты из года в год не находили поддержки большинства парламентариев или президента РФ. В 1999 году не нашел одобрения проект № 98059899-2 (он был снят с рассмотрения на заседании Государственной думы в 2004 году). Спустя пять лет, не нашел поддержки депутатов проект № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», внесенный группой депутатов в июле 2007 года (отклонен на заседании нижней

[1] Ильинский И. М. Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. – 432 с.

[2] Указ Президента РФ от 16.09.1992 г. №1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/2028 (дата обращения: 26.10.2020 г.).

[3] Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2010. – №3.– С. 5.

палаты Федерального собрания в 2009 году по причине декларативности формулировок, не подкрепленных конкретными нормативными положениями).

Интересно, что определенное отражение в российском законодательстве нашли положения, содержащиеся в модельном законе о ГМП Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, принятом 23 ноября 2012 года (данный акт постановлением № 38-10 признавался в качестве носящего рекомендательный характер). Названный документ систематизировал единые для государств – членов СНГ задачи и приоритеты в области молодежной политики. Нормативная терминология модельного закона использовалась при разработке «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Названный документ в условиях отсутствия федерального закона сыграл существенную роль, определяя критерии поддержки общественных объединений молодежи и субсидирования молодежных программ и проектов.

Наряду с депутатскими группами федерального уровня попытки внесения законопроектов, относимых к законодательству о молодежи, предпринимались и народными избранниками регионального масштаба, хотя это и не дало существенных результатов. Так, на протяжении 2013–2017 годов профильным комитетом Государственной думы законопроекты, подготовленные депутатами шести областей Поволжья и Орловской области, были отклонены[1].

С другой стороны, рассматривая проблему институционально-конституционального развития молодежной политики в современной России, мы не можем обойти своим вниманием Федеральное агентство по делам молодежи, которое на протяжении многих лет являлось (и пока еще является) основным ведомством, курирующим реализацию молодежной политики на уровне всей страны. Его полномочия отражены в положении, которое утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации № 409 от 29.05.2008 года.

До 21 мая 2012 года указанный орган государственного правления был подведомствен Министерству спорта, туризма и молодежной политики РФ, после преобразования которого он оказался в подчинении Министерства образования и науки РФ. После реформирования последнего в мае 2018 года и создания на его основе двух самостоятельных министерств Федеральное агентство по делам молодежи было переподчинено правительству РФ.

По сути, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) является на сегодняшний день основным заказчиком в части реализации ряда молодежных государственных программ и проектов, приоритетными среди которых являются:

– государственный проект развития российской молодежи в сфере предпринимательства «Ты – предприниматель»;

[1] Информация о результатах рассмотрения законопроектов (законов) на заседании Государственной думы ФС РФ – URL: http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/dd2017-01-18.html/ (дата обращения: 06.09.2020 г.).

– всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов», оказывающий консультативную, методологическую и грантовую поддержку молодым ученым, преподавателям, молодежным лидерам, политикам и активистам, работникам молодежных массмедиа;

– программа патриотического воспитания граждан на 2016–2020 годы «Российский патриотический центр», предусматривающая формирование российской гражданственности и патриотизма у молодых поколений, организацию конструктивного диалога государственных и гражданских институтов по вопросам молодежной политики, продвижение идеологии активного здорового образа жизни, развитие молодежных инициатив для самореализации и поддержку добровольчества в молодежной среде;

– историко-патриотический проект «Дневник Истории России», выполняющий просветительские функции в области судьбоносных событий отечественной истории в сети Интернет. Ключевая роль в реализации проекта принадлежит региональным центрам «Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи».

Названные (и прочие) программы и проекты реализуются в рамках трех видов управленческих отношений, раскладывающихся на три компонента: государственное и муниципальное управление, управление в разрезе иерархических структур и политический менеджмент. При этом комбинация данных управленческих моделей позволяет прогнозировать «кумулятивный эффект»[1].

Тем не менее, исследуя деятельность государственных органов по делам молодежи в системе федеральной исполнительной власти в 1990-е – 2000-е годы, стоит подчеркнуть отсутствие серьезной базы (финансовой, инфраструктурной, нормативной) как для эффективной работы, так и для доверия со стороны политического руководства страны. Что касается последнего аспекта, то в 2012 году часть полномочий Росмолодежи была отобрана у ведомства и передана специальной комиссии правительства РФ. В эту комиссию «вошли единороссы и представители «Молодой гвардии»[2]. К сожалению, и в период с 2012 по 2017 год работа профильного ведомства как координатора всей работы с молодежью в стране тоже не стала результативной. Это подтвердили парламентские слушания в апреле 2017 года в Государственной думе РФ с участием депутатов обеих палат российского парламента, а также министров, руководителей ведомств, представителей гражданского общества. Участники слушаний были единодушны в том, что стране необходима более эффективная модель государственного управления, в том числе в части реализации молодежной политики[3].

[1] Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации. М.: Аквилон, 2019. – С. 177.

[2] Кремль переформатирует молодежную политику // Известия. – 2012. – 18 июня. – С. 2.

[3] Дать путевку в жизнь. В Госдуме обсудили подходы к молодежи // Известия. – 2017.– 23 апреля. – С. 2.

В этот период времени интенсивная работа по формированию нормативно-правовых механизмов реализации молодежной политики была развернута и на региональном уровне. Так, к 2015 году в 73 субъектах Российской Федерации (88 %) были приняты законы о молодежной политике. Всего же (к настоящему моменту) количество региональных законов, призванных регулировать развитие молодежной сферы в ЦФО, по нашим подсчетам, равняется 87.

Исследуя наименования региональных законов, мы обнаружили любопытный факт значительного количества употребляемых терминов и дефиниций, таких как «молодежная семейная политика», «нравственность», «здоровый образ жизни». Эти понятия, по мнению региональных законодателей, должны были стать ключевыми идейно-правовыми постулатами молодежной политики.

Впрочем, это многообразие в названиях региональных нормативных актов усложняет определение локуса законотворческого регулирования, что порождает последующие препятствия при разработке подзаконных документов.

Структурно-нормативное обеспечение ГМП на региональном уровне представлено законами, подзаконными актами и различными программами, направленными в основном на оказание поддержки тем или иным группам молодежи, а также детям. В этой же связи отметим и тот факт, что устойчивость/неустойчивость законодательной базы ГМП в различных субъектах Российской Федерации зависела от специфики каждого конкретного региона. Так, в одном только ЦФО в ряде субъектов она была более устойчивой (например, в Москве, Московской области, Ивановской области, Белгородской области и некоторых других), а в части регионов округа – менее (например, в Орловской области, Тульской области, Тамбовской области и других). К слову, в той же Орловской области неустойчивость нормативной базы государственной поддержки общественных объединений молодежи в связи с нестабильностью кадрового состава исполнительной власти регионов пребывает в состоянии нескончаемого реформирования.

Говоря о нынешнем положении, сложившемся в части структурного наполнения нормативно-правового механизма реализации ГМП, обозначим ряд таких элементов этого наполнения, как: 1) непосредственно касающиеся реализации ГМП акты; 2) документы, направленные на регулирование различных сфер жизни, опосредованно связанных с молодежными интересами.

Впрочем, существование отдельных институциональных механизмов осуществления молодежной политики на практике (как в масштабах всей федерации, так и на региональном уровне) вовсе не означало глубокой институционализации, к тому же в Конституции РФ не было никакого указания на наличие такой отраслевой государственной политики, как ГМП. Естественно, поэтому разнообразные правовые нормы не были собраны в единый федеральный закон, и, как следствие, не была выстроена единая система органов с

соответствующим функционалом. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что во взаимодействии госорганов, осуществляющих регулирование отношений в сфере развития новых генераций, и структур гражданского общества сложилась система интересного и результативного сотрудничества, в рамках которого оформились и стали действовать специализированные молодежные службы и центры[1].

Более того, вся совокупность законов и подзаконных актов, относящихся к вопросам управленческого регулирования в сфере молодежной политики, содержит достаточное количество правовых постулатов, позволяющих на данном этапе использовать их в качестве механизмов реализации ГМП, а также видеть конституционно-правовые очертания политики нашего государства в отношении молодежи.

Поэтому некоторые авторы (например, известный российский специалист в области изучения правового обеспечения молодежной политики А. В. Кочетков) считают, что Конституция РФ и в своей предреформенной версии могла (по ряду положений) претендовать на то, чтобы рассматривать ее как основу инициирования, разработки и осуществления ГМП в России[2]. Собственно, такой взгляд на вопрос не противоречит действительности, если апеллировать к статьям и пунктам основного закона, постулирующим идеи государства социальной справедливости с его политикой, нацеленной на реализацию потребностей всех членов общества, в том числе молодых. Если же мы все-таки ведем речь непосредственно о молодежной политике, то вопрос о наличии/отсутствии ее конституционализации решается далеко не так очевидно. Скорее, предыдущая (дореформенная) формулировка ст. 7 (ч. 1) Конституции РФ, закрепляющая за Российской Федерацией статус социального государства, а значит, и соответствующую госполитику, направленную в числе прочего на молодых граждан страны, свидетельствует не о конституционализации, а об одном из этапов институционализации ГМП.

Совершенствование государственной молодежной политики на этапе подготовки и принятия поправок к Конституции РФ: императив и импульсы

Что же касается конституционализации молодежной политики, то на данном этапе этот процесс получил новый мощный импульс, вызванный инициативами Владимира Путина по пересмотру ряда статей Конституции РФ.

Касательно рассматриваемой проблематики ситуация развивалась следующим образом. В феврале 2020 года в рамках рабочей группы обсуждались текущие вопросы по поправкам в Конституцию РФ. В ходе обсуждения была озвучена идея

[1] Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. – С. 473.

[2] Кочетков А. В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // Закон и право. – 2009. – № 9. – С. 10–13 (отметим, что названный автор в 2004 году в своей статье «Конституции зарубежных государств о молодежи и молодежной политике» рассматривал некоторые варианты изменений и дополнений к Конституции РФ, касающихся ГМП).

о необходимости конституционализации молодежной политики, по поводу чего президент выразил свое полнейшее согласие, поддержав инициативу[1].

По сути, благодаря внесению в основной закон такой категории, как «молодежная политика», в нашей стране впервые возникла правовая ситуация, свидетельствующая о конституционализации рассматриваемой сферы. Благодаря этому появились и новые возможности в части углубления и расширения институциональных процессов в вопросе управления общественными отношениями, касающимися новых социальных генераций[2].

Относительно же самой конституционной поправки следует сказать, что ее итоговая версия вошла в обновленный текст основного закона в варианте, который был предложен М. Бариевым (представителем депутатского корпуса Госдумы РФ от Татарстана).

В результате оперативно проделанной работы поправку внесли в текст 72-й статьи[3]. Как справедливо полагал М. Бариев, поправка дала импульс для развития институционально-конституциональных механизмов ГПМ в части разработки и принятия соответствующего нового федерального закона. Работа в данном направлении была активизирована. Начался сбор и мониторинг предложений от субъектов РФ, а также от различных общественных движений и объединений. Итогом всей этой работы стал законопроект, который в июне-июле текущего года уже обсуждался в профильных комитетах Государственной думы и Совета Федерации. В осуждении приняли участие не только законодатели, но и представители экспертного сообщества (в том числе от молодежных объединений). На данный момент законопроект №993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» прошел процедуру принятия в первом чтении в Государственной думе РФ[4].

Кстати, одним из принципиальных новшеств проекта названного закона стало поднятие возрастной планки для представителей новых генераций до 35 лет. По нашему мнению, причин этому есть несколько. Во-первых, в мире за последнее

[1] Путин поддержал идею о внесении в Конституцию упоминания о молодежной политике // ТАСС. Официальный сайт. – URL: https://tass.ru/obschestvo/7755737 (дата обращения: 01.08.2020 г.).

[2] Благодаря поправкам к Конституции у молодежи могут появиться новые гарантии, считает Святенко // Парламентская газета. Официальный сайт / Общество. Выпуск от 15.06.2020 г. – URL: https://www.pnp.ru/social/blagodarya-popravkam-v-konstituciyu-u-molodyozhi-mogut-poyavitsya-novye-garantii-schitaet-svyatenko.html (дата обращения: 01.08.2020 г.).

[3] Мисливская Г. С поправкой на будущее. В основной закон впервые вносятся положения о молодежной политике и статусе детей // Российская газета - Федеральный выпуск, №129 (8183) от 15.06.2020 г. / Власть. – URL: https://rg.ru/2020/06/15/v-konstituciiu-vnosiatsia-polozheniia-o-molodezhnoj-politike-i-statuse-detej.html (дата обращения: 01.08.2020 г.).

[4] Законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7 (дата обращения: 18.08.2020 г.).

время существенно выросла продолжительность жизни, а следовательно, поменялся сегмент представителей поколения среднего возраста. Это, в свою очередь, повлекло за собой содержательный пересмотр категории «молодежь» и изменение возрастных границ в данном сегменте. Собственно, именно в связи с этим во многих развитых странах проводились (и проводятся) пенсионные реформы, которые определенным образом отражаются на формировании соответствующим сегментов общества.

Во-вторых, изменения возрастных границ молодежи выглядит обоснованным в плане защиты этой категории граждан от кризисных ситуаций. Сдвиг верхней планки до 35 лет произошел, возможно, исходя из того, что представители новых генераций нуждаются в поддержке государства в условиях различных кризисов. Новые нормы позволят молодежи еще пять лет (в сравнении с действующим толкованием этой возрастной категории) пользоваться разными льготами и социальными пакетами (в том числе при трудоустройстве, оформлении ипотеки, частичном покрытии стоимости жилья из регионального бюджета и т. п.).

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что среди тех молодых людей, кто ранее в аналогичном возрасте воспринимался как зрелый, самостоятельный человек, растет число инфантильных. В нашей стране молодежь все больше времени проводит с родителями, пользуясь их финансовой поддержкой и не очень стремясь самостоятельно зарабатывать себе на жизнь (что общество начинает воспринимать уже как норму). Это при том, что в документах ООН возрастные границы молодежи определяются 15 – 25 лет; в Испании – 14 – 30 лет; в большинстве европейских стран, США и Японии – в интервале от 13–14 до 29–30 лет. Правда, в документах ВОЗ верхняя планка возраста молодежи составляет 44 года.

Возвращаясь к проекту закона № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации», отметим, что он характеризуется правоустанавливающим содержанием, направленным на регулирование всего спектра отношений в молодежной сфере. Кроме того, он, закладывая основы государственно-управленческого регулирования по всей властно-административной вертикали, нацелен на возможность активного привлечения представителей новых генераций к решению значимых для них проблем. Все это подтверждается тем, что молодежная политика в законопроекте позиционируется в контексте, предусматривающем сотрудничество и взаимодействие новых социальных генераций (равно как и их отдельных представителей) с государственными структурами и институтами гражданского общества.

Предполагается, что рассматриваемый закон закрепит единый категориальный аппарат, затрагивающий вопросы молодежной политики, унифицируя толкование соответствующих понятий.

Согласно данному документу, целями политики государства в отношении новых

генераций должны стать защита законных интересов и прав молодых граждан РФ. Закон должен создать молодым членам общества условия для их личностного роста в части социального, физического, духовного, культурного и профессионального развития. Разработчики закона заложили в его содержание постулаты, позволяющие обеспечить молодому поколению условия для его активного вовлечения во все сферы общественной жизнедеятельности. Проект закона своими нормативными позициями дает стимул для повышения уровня этно-конфессионального согласия среди молодежи; созидания культуры семейной жизни и государственного протекционизма в отношении молодых семей для улучшения ситуации в демографической сфере.

Большое внимание в законопроекте уделяется задачам формирования гражданского сознания; патриотического воспитания; сохранения и поддержания традиционных ценностных ориентиров в молодежной среде; поддержке института молодой семьи; работе с молодыми людьми с ограниченными возможностями (оказавшимися в затруднительных жизненных ситуациях); оказанию помощи в вопросах решения проблем с жильем; предоставлению социальной помощи.

Отдельно в проекте закона затронуты вопросы развития молодежного предпринимательства и социально значимых инициатив молодых граждан, а также уделяется существенное внимание проблеме оказания содействия трудоустройству представителей новых социальных генераций, поддержке молодых талантов (в том числе в сферах науки, образования, досуга, отдыха, здоровья и спорта).

По мнению авторов законопроекта, он позволяет реализовать потенциальную возможность в части создания государственно-общественной системы институтов, которые были бы официально уполномочены реализовывать политику в отношении новых социальных генераций. Более того, законопроект позволяет закрепить необходимые полномочия органов и должностных лиц на всех уровнях власти, а также предусматривает основные формы участия непосредственно молодых граждан и молодежных институтов в реализации ГМП, закрепляя механизмы мониторинга этой реализации.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что поправка, внесенная в первую часть 72-й статьи (пункт «е») Конституции РФ, а также законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» дали новый импульс процессу институционально-конституционального развития соответствующего направления государственной политики. Как уже говорилось, закон пока еще не принят и проходит процедуру рассмотрении в Государственной думе. Между тем властям уже сейчас нужно думать о той конфигурации, в соответствии с которой будет выстраиваться вся система реализации молодежной политики в нашей стране. Поэтому нам представляется необходимым затронуть проблему реализации нескольких основных задач, решение которых позволило бы такую

систему сформировать.

Во-первых, региональное законодательство, касающееся молодежной политики, следовало бы привести в соответствие с новыми базовыми общероссийскими федеральными нормами, получившими отражение в Конституции и новом законе (естественно, когда он будет принят). Во-вторых, потребуется выстраивание в единую систему (отсутствующую на данном этапе) тех органов управления, которые должны будут на практике реализовывать соответствующие правовые нормы. В-третьих, особое внимание нужно обратить на возможность возврата к наиболее значимым федеральным и региональным программам и проектам, в рамках которых прежде реализовывалась молодежная политика.

Приращение ГМП и алгоритм действий государства: перспективы управленческих процессов в молодежной среде

Как нам видится, решение названных задач позволит существенно оптимизировать процесс институционально-конституционального развития ГМП в нашей стране на современном этапе.

Кроме того, мы полагаем, что формирование действенной (единой, вертикальной) системы российского законодательства и новых институтов по делам молодежи потребует поэтапной разработки. В политические практики должен быть интегрирован социальный конструктивизм (новое течение в институционализме), при котором создание новых институтов должно быть результатом социального взаимодействия соответствующих акторов[1].

Так, например, в качестве первого этапа представляется обоснованным внедрение пилотных проектов законодательных инициатив в тех субъектах Федерации, где в течение последних лет реализуются наиболее продуктивные программы развития новых генераций. На втором этапе, после анализа позитивного опыта, необходима разработка соответствующих нормативных документов (таких, например, как модельные законы и официально принятые программы), которые обеспечивали бы государственно-управленческое регулирование в сфере ГМП.

Что же касается дальнейшего институционального развития в рамках реализации ГМП, то основными приоритетами такого развития могли бы стать:

1) совершенствование региональных правовых систем в соответствующих субъектах РФ (в части правового обеспечения молодежной политики);

2) разработка и применение механизмов общественно-государственного контроля соблюдения норм федерального законодательства на региональном уровне;

[1] Панов П. В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Полис. – 2015. – № 3. – С. 49.

3) уточнение функционального содержания деятельности субъектов реализации ГМП на региональном и муниципальном уровнях, а также определение границ полномочий и административно-правовых принципов взаимодействия последних.

Касательно управленческой эффективности нормативно-правовых механизмов осуществления политики в отношении новых генераций основным недостатком в данном вопросе нам видится сужение сферы правого регулирования. На деле это оборачивается отсутствием внимания регионального законодателя к некоторым приоритетным направлениям, обозначенным в федеральных концептуальных актах: к формированию семейных ценностей в среде молодежи, укреплению правосознания молодых граждан, развитию студенческого самоуправления и т. п.

Заслуживает поддержки аргументация Е. С. Аничкиной и К. Е. Коваленко, которые обосновали мысль о том, что нормативно-правовые основы ГМП в субъектах РФ, по сути, касаются лишь незначительного спектра направлений развития новых генераций[1]. Кроме того, эти исследователи указывают на наличие формализованного отношения к законотворческому процессу; неквалифицированность при определении предметного поля правового регулирования; клишированный подход к формулировкам нормативных положений, касающихся молодежи; попытки уклонения депутатов региональных представительных органов власти от решения вопросов по разработке нормативно-правовых механизмов реализации ГМП[2].

Такое положение вещей свидетельствует о наличии в системе функционирования нормативных механизмов реализации ГМП тенденции к сужению границ правого регулирования. Основной же причиной наличия и усугубления такой тенденции как раз и является отсутствие (пока еще отсутствие) федерального закона о молодежной политике, что, в свою очередь, порождает дезориентацию как федеральных, так и региональных законодателей, произвольно определяющих основные направления нормотворческой деятельности в сфере ГМП.

Помимо того, о чем было сказано выше, необходимо обратить внимание на создание правовой базы для более эффективного контакта государственных и муниципальных органов с институциями гражданского общества. Существенную роль могло бы сыграть развитие молодежного парламентаризма в лице соответствующих структур при органах власти всех уровней.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Политические и

[1] Аничкин Е. С., Коваленко К. Е. Законодательство субъектов Российской Федерации в области молодежной политики: состояние и пути совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Том 2. – № 2. – С. 91– 94.

[2] Тихомиров Ю. А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 140–148.

государственно-управленческие тенденции институционально-конституционального развития молодежной политики в современной России свидетельствуют о необходимости дальнейшей (более глубокой) работы по оптимизации конституционно-правовых механизмов реализации ГМП, что предполагает необходимость выстраивания единой системы органов управления в сфере ГМП. Институционально-конституциональными основами же успешного функционирования такой системы, безусловно, могут стать обновленная версия Конституции РФ (с соответствующей поправкой о ГМП) и базовый общефедеральный закон, обеспечивающий действенность нормативно-регулятивных механизмов в рассматриваемой сфере.

Тем не менее необходимо понимать, что сами институционально-конституциональные основания реализации ГМП эффективно проявят себя лишь в случае полноценного обеспечения разграничения полномочий основных субъектов управления (с целью их полноценной координации) в сфере осуществления политики в отношении новых генераций.

Выше мы уже говорили о том, что конституционализация ГМП и, как следствие, принятие (что неизбежно) федерального закона предполагают углубление и расширение институциональных процессов, которые должны привести к формированию единой системы органов управления, способной эффективно реализовывать на практике весь комплекс правовых норм, регулирующих отношения в сфере молодежной политики. При этом стоит понимать, что создание такой государственно-управленческой системы в рамках ГМП, безусловно, невозможно без четкого разграничения полномочий и предметов ведения всех элементов данной системы как по вертикали, так и по горизонтали.

Кроме того, весь политический цикл при реализации ГМП не может быть эффективно отработанным без расширения возможностей гражданского общества (в том числе в лице независимых экспертов из научной среды и иных общественных сфер). В данном случае уместно вести речь даже о различных институциональных формах государственно-общественного партнерства на всех этапах политического цикла государственной молодежной политики: выявления имеющихся проблем; определения и постановки целей политики (ее инициирования); разработки и легитимации (формирования политики); реализации и мониторинга; оценки и регулирования всех управленческих действий.

В данном случае мы не сделаем открытия, если скажем о том, что названная система должна основываться на широком партнерстве самых разных социальных институтов и групп, совместные усилия которых будут направлены на повышение эффективности молодежной политики.

Наконец, следует отметить такой неоднозначный в современных условиях аспект институционально-конституционального развития ГМП, как международное сотрудничество. Несомненно, любой результативный положительный опыт не

будет бесполезен (даже с позиций научно-теоретического его осмысления). Хотя наблюдается следующий любопытный факт, заключающийся в том, что в зарубежных конституционных документах понятие «молодежная политика» практически не используется (хотя встречается термин «молодежь»)[1].

Интересно и то, что в большинстве случаев упоминание понятия «молодежь» в основных законах большинства стран используется в контексте задач, которые, по сути, составляют основные направления молодежной политики со всеми соответствующими социальными задачами, стоящими перед государством и обществом.

Заключение

Основываясь на вышеизложенном, стоит сделать ряд выводов. Во-первых, приращение государственной молодежной политики благодаря внесению в текст Конституции категории «молодежная политика» вовсе не означает, что Российская Федерация совершила государственно-управленческий рывок, который в рассматриваемой сфере вывел нашу страну на передовые позиции в работе с новыми генерациями. Вместе с тем институционализация ГМП в основном законе России позволит снять ряд определенных институциональных и политико-управленческих проблем в части нормативно-правового обеспечения эффективной деятельности государства по созданию условий социальной поддержки развития новых генераций в нашей стране. Более того, поправка, внесенная в первую часть 72-й статьи (пункт «е») Конституции РФ, и законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» фактически предоставляют сегодня нашему государству и всему обществу уникальную возможность привести к логическому завершению процесс институционально-конституционального развития молодежной политики в России.

Во-вторых, для государственной молодежной политики РФ должен быть характерен принцип преемственности и обновления, гарантирующий избавление от радикализма и волюнтаризма в работе с новыми поколениями, в решении их проблем, в осуществлении эффективной политической социализации молодежи. Прежние успешные практики и опытные образцы в сфере ГМП, созданные предыдущими поколениями в рамках общественно-государственной работы с молодежью, должны быть творчески переработаны и использованы с учетом новых условий. Сама же государственная молодежная политика может представлять собой единство политических и административно-управленческих усилий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также

[1] Характерным примером редкого исключения из общего правила можно считать Конституцию Португалии (в которой есть словосочетание «молодежная политика» и соответствующая статья 70). Теперь уже данное понятие содержится и в тексте Конституции Российской Федерации (с ее поправкой, внесенной в первую часть статьи 72 (пункт «е»)).

конструктивных институтов гражданского общества.

В-третьих, принятие «социальных» поправок к Конституции РФ, включая «молодежную» поправку, нового молодежного законодательства дает старт на ускорение процесса позитивных институциональных изменений в российской молодежной среде. А это, в свою очередь, системно повлияет на активизацию деятельности государственных и негосударственных организаций в работе с молодежью, что обеспечит продуктивное социальное развитие.

Библиография/References:

1. Аничкин Е.С., Коваленко К.Е. Законодательство субъектов Российской Федерации в области молодежной политики: состояние и пути совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Т. 2. – № 2. – С. 91-94.

2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрдмана и Фердинанда Вальтера. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 304 с.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

4. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации. – М.: Аквилон, 2019. – 448 с.

5. Дать путевку в жизнь. В Госдуме обсудили подходы к молодежи // Известия. – 2017. – 23 апреля. – С. 2.

6. Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. – М: Молодая гвардия, 1987. – 384 с.

7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

8. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. – 432 с.

9. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. – М., 2001. – 696 с.

10. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 80 с.

11. Кочетков А.В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // Закон и право. – 2009 – № 9. – С. 10-13.

12. Кочетков А.В. Конституционно-правовые источники в сфере государственной молодежной политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 13-17.

13. Кремль переформатирует молодежную политику // Известия. – 2012. – 18 июня. – С. 2.

14. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Изд. дом Гос. ун-та–ВШЭ, 2010. – 240 с.
15. Панов П.В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 39-55.
16. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.
17. Соловьев А.И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2010. – № 3. – С. 3-20.
18. Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. – Т. 1: Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. – М.; Челябинск: Социум, 2014. – 464 с.
19. Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 140-148.
20. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход. – М.: Прогресс, 1972.

1. Anichkin, E.S., Kovalenko, K.E. (2014) Zakonodatel'stvo sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v oblasti molodezhnoi politiki: sostoianie i puti sovershenstvovaniia [Legislation of the constituent entities of the Russian Federation in the field of youth policy: state and ways of improvement // Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. – T. 2. – № 2. – P. 91-94. (In Russ.)
2. Gegel', G.V.F. (2014) Lektsii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828. V zapisi Ioganna Eduarda Erdmana i Ferdinanda Val'tera [Lectures on the philosophy of spirit. Berlin 1827/1828. Recorded by Johann Eduard Erdmann and Ferdinand Walter]. – M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. – 304 p. (In Russ.)
3. Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2010) Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [Youth of Russia: a sociological portrait]. – M.: TsSPiM. – 592 p. (In Russ.)
4. Gosudarstvennaia molodezhnaia politika v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskie osnovaniia i tekhnologii realizatsii [State youth policy in Russia: socio-psychological foundations and implementation technologies]. – M.: Akvilon, 2019. – 448 p. (In Russ.)
5. Dat' putevku v zhizn'. V Gosdume obsudili podkhody k molodezhi [Give a start in life. The State Duma discussed approaches to youth] // Izvestiia [Izvestia]. – 2017. – 23 aprelia. – S. P. (In Russ.)
6. Dokumenty KPSS o Leninskom komsomole i pionerii [Documents of the CPSU about the Leninist Komsomol and the pioneers]. – M: Molodaia gvardiia, 1987. – 384 p. (In Russ.)
7. Diurkgeim, E. (1995) Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. – M.: Kanon. – 352 p. (In Russ.)
8. Il'inskii, I.M. (2017) Gosudarstvennaia molodezhnaia politika v SSSR [State youth policy in the USSR]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. – 432 p. (In Russ.)

9. Il'inskii, I.M. (2001) Molodezh' i molodezhnaia politika [Youth and youth policy]. – M. – 696 p. (In Russ.)

10. Kont, O. (2016) Dukh pozitivnoi filosofii: Slovo o polozhitel'nom myshlenii [Spirit of positive philosophy: A word about positive thinking]. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM». – 80 p. (In Russ.)

11. Kochetkov, A.V. (2009) Konstitutsionalizatsiia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii [Constitutionalization of state youth policy in Russia] // Zakon i parvo [Law and Legislation]. – № 9. – P. 10-13. (In Russ.)

12. Kochetkov, A.V. (2009) Konstitutsionno-pravovye istochniki v sfere gosudarstvennoi molodezhnoi politiki [Constitutional and legal sources in the sphere of state youth policy] // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve ["Black holes" in Russian legislation]. – № 2. – P. 13-17. (In Russ.)

13. Kreml' pereformatiruet molodezhnuiu politiku [The Kremlin is reformatting youth policy] // Izvestiia [Izvestia]. – 2012. – 18 iiunia. – P. 2. (In Russ.)

14. L'iuks, S. (2010) Vlast': Radikal'nyi vzgliad [[Power: a radical view]. – M.: Izd. dom Gos. un-ta–VShE. – 240 p. (In Russ.)

15. Panov, P.V. (2015) Institutsionalizm(y): ob"iasnitel'nye modeli i prichinnost' [Institutionalism (s): explanatory models and causality] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 3. – P. 39-55. (In Russ.)

16. Smelzer, N. (1998) Sotsiologiia [Sociology]. – M.: Feniks. – 688 p. (In Russ.)

17. Solov'ev, A.I. (2010) Instituty vlasti i upravleniia v strategii rossiiskoi modernizatsii: problemy i perspektivy [Institutes of power and management in the strategy of Russian modernization: problems and prospects] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriia 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration]. – № 3. – P. 3-20. (In Russ.)

18. Spenser, G. (2014) Politicheskie sochineniia: v 5 t. – T. 1: Lichnost' i gosudarstvo: opyty o gosudarstve, obshchestve i svobode [Political writings: in 5 volumes. – Vol. 1: Personality and the state: experiences about the state, society and freedom]. – M.; Cheliabinsk: Sotsium. – 464 p. (In Russ.)

19. Tikhomirov, Iu.A. (2010) Posledstviia pravovykh aktov: otsenka i korrektsiia [Consequences of legal acts: assessment and correction] // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Public Administration Issues]. – № 3. – P. 140-148. (In Russ.)

20. Shilz, E. (1972) Obshchestvo i obshchestva: makrosotsiologicheskii podkhod [Society and societies: macrosociological approach]. – M.: Progress. (In Russ.)